Су Цзюэ был прав: если кто-то хотел навести о нём справки, достаточно было лишь расспросить преподавателей и старшекурсников — это вышло бы куда подробнее, чем мог бы рассказать он сам. Вечером темой ночных посиделок в 305-й комнате стал именно Су Цзюэ.

Каждый расспросил своих земляков, и после взаимного сопоставления фактов они сошлись на едином выводе: это гениальный и крайне эксцентричный малый.

Ему еще не исполнилось семнадцати лет, а в университет он поступил так рано потому, что перепрыгнул сразу через три класса в начальной школе. Правда, после средней школы он больше не перескакивал — да и не смог бы, ведь его успеваемость начала стремительно разделяться на два лагеря. По китайскому языку, математике, английскому и истории у него неизменно стояли сотенные баллы, в то время как по политике, физике, химии и биологии он наотрез отказывался получать проходной балл, пока перед экзаменами родители не прижимали его к стенке, заставляя кое-как наскрести на тройку. Перед самим поступлением в университет дело едва не дошло до бойкота экзаменов. В конце концов, хотя набранных баллов хватило, руководство вуза всё равно не горело желанием принимать столь несбалансированного ученика. Если бы не тот факт, что его отец работал преподавателем в этом же учебном заведении, а за свой тайцзицюань он получил общенациональную премию, вряд ли им довелось бы увидеть этого чудака в стенах университета.

И тем не менее, никто в школе не смел смотреть на него свысока. Ходили слухи, что его познания в традиционной китайской медицине достигли поистине невероятных высот: не будь у него ограничений на сдачу квалификационного экзамена врача, очередь желающих попасть к нему на приём тянулась бы от южных ворот кампуса до западных.

Фан Цян молча предавался своим мыслям в темноте. О чём-то он уже знал раньше, а что-то услышал впервые. В его голове то и дело всплывало отрешённое, непреклонное выражение лица Су Цзюэ.

Хэ Наньань с живым интересом слушал их беседу и с улыбкой вставил слово:

— Надо же, какой занятный человек. Наверняка преподаватели вешаются от такого ученика, неудивительно, что руководство не хотело его брать.

— И то верно. Хорошо еще, что он живёт не в нашей комнате, иначе я понятия не имею, как с ним уживаться под одной крышей.

— Если бы он и правда поселился здесь, я бы у входа билеты продавал. А уж тамошние девчонки из нашего потока точно наперегонки бы к нам бежали, лишь бы деньги отдать.

— Эй-эй, да ты и сейчас можешь билеты продавать! Разве в нашей комнате не обитает наш Нань-гэ?

— С чего это вдруг разговор обо мне? Я вроде бы никого из старших братьев к себе не звал.

— Точно! Давайте устроим встречу Нань-гэ с Су Цзюэ, а сами будем тайком фоткать. Назовём репортаж: Красавчик Хэ и ученый муж Су встречаются в 305-й. Успех гарантирован, разлетутся как горячие пирожки.

— Ха-ха, я вовсе не собираюсь на него смотреть. С такими людьми я как-то не умею находить общий язык.

— Ого? И у тебя совсем нет интереса к столь диковинному экземпляру?

Хэ Наньань нахмурился. Почему ему не хотелось с ним встречаться? Он и сам находил это странным — просто не было никакого интереса, имя Су Цзюэ вообще не вызывало у него никаких эмоций. Наверное, он слишком привык быть в центре всеобщего внимания, поэтому ему просто не хотелось тратить время на эту суету.

Да и плевать. Лезть не в своё дело — это вообще не в его стиле. Ему достаточно просто делать то, что хочется.

Хэ Наньань сладко зевал, повернулся на бок и заснул. А вот Фан Цян никак не мог уснуть. Его тревожили те самые пренебрежительные причины, которые озвучал Хэ Наньань.

Фан Цян был из тех парней, кто ко всему относится проще простого. В нужные моменты его упорство можно было назвать несокрушимым, а если выражаться грубее — он был прилипчив, как банный лист. Во время нескольких бесед с Су Цзюэ Фан Цян не переставал удивляться тому, до чего же лаконичен китайский язык, раз почти любые мысли можно выразить двусложными словами. Но Фан Цян не падал духом: он знал, что при всей своей чудаковатости у такого человека, как Су Цзюэ, обязательно должна быть своя уязвимая точка. Стоит только её отыскать, и тот полностью откроет душу.

В то время как Су Цзюэ по-прежнему держал всех на расстоянии, кичась своей надменной отрешённостью, Хэ Наньань уже вовсю развернул своё очарование, в мгновение ока сведя с ума целую толпу преподавателей, однокурсников и девчонок. Как вообще мог существовать такой человек? Мало того что смазливая мордашка и прекрасный характер, так еще и во всём преуспевал — будь то учёба или спорт. В итоге главы студенческих клубов, желавших заполучить его к себе, выстраивались в очередь от южных ворот до западных. Что же касается толпы влюблённых девчонок, то они возвели его в ранг постоянной темы для ночных разговоров, изо дня в день перемывая ему кости. Пока однажды, устав от этого внимания, Хэ Наньань не привёл в кампус потрясающей красоты девушку и не устроил с ней долгую прогулку по территории — только после этого слухи постепенно сошли на нет. Парни из 305-й комнаты поинтересовались, не его ли это девушка, на что он с улыбкой почесал затылок: ну, считайте, что так. Но Фан Цян отчетливо видел, что самому ему было совершенно всё равно.

Су Цзюэ и Хэ Наньань напоминали два магнита. Вот только Су Цзюэ отталкивал всех вокруг одинаковыми полюсами, тогда как Хэ Наньань притягивал противоположными. Самое странное, что эти двое знаменитостей до сих пор ни разу не пересеклись в столь маленьком университете и среди столь тесного круга студентов.

Как-то раз на лекции по истории китайской медицины зашла речь о многовековой вражде между школой повреждений холодом и школой тепловых болезней. Преподаватель оказался фанатичным приверженцем Трактата о повреждении холодом авторства Чжунцзина. Он вещал с таким размахом и страстью, что просто в пух и прах разнёс учение о тепловых болезнях. Студенты сидели рассеянные, находя преподавательский пафос весьма забавным, и украдкой посмеивались. Старик — почитатель школы холода — чувствовал глубокую горечь и сокрушался о нравах эпохи, сетуя, что у него не нашлось ни единого единомышленника. Бросив взгляд в сторону, он заметил, что сидевший ближе всех Су Цзюэ уже раскрыл совершенно другую книгу. У старика от злости едва крышу не сорвало, и он тут же потребовал, чтобы тот обозначил свою позицию — в его взгляде так и читалось: если не разделишь моё мнение, зачёт можешь не ждать.

Аудитория мгновенно стихла. С самого начала учебного года Су Цзюэ еще ни разу не отвечал ни на один вопрос в классе, и преподаватели старались обходить этого трудного ребёнка стороной. Теперь же, встречая карающий взгляд лектора, все гадали, как именно ответит Су Цзюэ.

Он медленно поднялся.

— Я считаю этот вопрос бессмысленным.

Разве так подобает разговаривать с преподавателем? Старик вспылил, но горько усмехнулся:

— Прекрасно, у нас появились собственные взгляды. Извольте озвучить: почему же это бессмысленно?

Су Цзюэ ни капли не смутился под сверкающим гневом взглядом лектора.

— Пусть школа повреждений холодом и школа тепловых болезней расходятся во взглядах на причины недугов, механизмы их развития и методы лечения, цель у них одна — исцелить больного. Точно так же я могу наесться лапши и наесться риса — в обоих случаях я буду сыт. Раз уж цель достигнута, какая разница, каков был сам процесс?

Старик долго вглядывался в него и лишь спустя какое-то время глухо промолвил:

— Право слово, не пойму, профан ты или знаток. Неужели всё и вправду так просто, как ты говоришь?

— Всё именно так просто. Просто те, кто внутри ситуации, теряют способность видеть суть, — не моргнув глазом, ответил Су Цзюэ и спокойно посмотрел на преподавателя.

Вовремя прозвеневший звонок прервал их напряжённый, полный двусмысленности обмен взглядами. Су Цзюэ опустил голову и молча принялся складывать учебники в сумку. Однокурсники один за другим проходили мимо него, перешептываясь между собой. Фан Цян тоже намеренно медлил со сборами, а когда Су Цзюэ вышел из аудитории, последовал за ним.

В коридоре толпилось множество народа: кто-то бегал и смеялся, ведь студенческая жизнь всегда бьет ключом избытка юношеской энергии. Су Цзюэ же казался совершенно отрешенным от всего этого. Опустив голову, он медленно брёл вперед, а его огромная сумка покачивалась на правом боку.

Вдруг откуда ни возьмись на полной скорости вылетела компания студентов. С пронзительными криками «прошу прощения» они неслись напролом, расталкивая всех на своем пути. Кто-то вслед им выругался: жить надоело, что ли?, а остальные просто хмуро шарахались в стороны. Су Цзюэ, не ожидавший такого подвоха, получил сильный толчок, и все его книги разлетелись по полу.

Фан Цян тут же бросился ему помогать. Су Цзюэ поднял глаза, коротко взглянул на него, но ничего не сказал. Среди учебников Фан Цян заметил несколько на вид очень старых книг в традиционном нитяном переплёте, а также пару конвертов без обратного адреса.

— Эм, вот, держи, — Фан Цян протянул ему книги и письма. Он заметил, как у Су Цзюэ отчетливо покраснели щеки. Тот торопливо, как попало запихал всё обратно в сумку, поднялся на ноги и с виноватым видом замялся, не зная, что сказать.

— Эмм… спасибо.

В этот момент Фан Цяну показалось, что перед ним обычный шестнадцатилетний подросток — робкий, стеснительный и даже в чём-то милый. Фан Цян открыто улыбнулся:

— Пустяки. А тебя, оказывается, любят.

Су Цзюэ снова поднял на него глаза, и румянец на его лице стал еще заметнее. Фан Цян поравнялся с ним, и они медленно пошли вместе. Су Цзюэ, опустив голову, тихо проговорил:

— Никому не говори. Я им всё верну.

— Кажется, это прозвучало слишком жестоко.

— Я… никогда не умел разбираться с подобным, — кажется, он легко вздохнул.

— Разве это плохо, когда нравишься девушкам?

— Я бы предпочел, чтобы их взгляды меня не касались.

— О?

Су Цзюэ вновь напустил на себя привычный неприступный вид.

— Я бы предпочел, чтобы ничьи взгляды меня не касались.

http://bllate.org/book/24504/2873708